

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260>

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 4

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Н.А. Демичева
г. Москва, Россия

ЧЕЛОВЕК В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ «ДЕВИАНТНОГО» ТЕКСТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 24-28-00091, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00091/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье анализируются зафиксированные в древнерусских текстах сведения о действиях людей в осажденном городе, противоречащие правовым, социальным, моральным нормам того времени. Осада рассматривается как экстраординарная, экстремальная ситуация, которая создает почву для проявлений девиантности. Выявляются основные виды отклоняющегося от нормы поведения, отраженные в текстах данной тематики: употребление в пищу того, что в нормальной ситуации считалось непригодным и/или недопустимым (в том числе антропофагия); пьянство; кражи; насильственные и разрушительные действия. В статье на материале исторического повествования Древней Руси (рассказа в Лаврентьевской летописи о взятии Торжка Всеволодом Юрьевичем в 1182 г., «Истории в память предидущим родом...» Авраамия Палицына, пространной редакции «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», летописной повести о походе Святослава Всеволодовича на волжских болгар в 1220 г., повести о взятии Иерусалима Титом в Летописце Еллинском и Римском 2-й редакции и Тихонравовском хронографе) показывается, что сведения о девиантных поступках имеют не случайный характер, а тесно связаны с идеей и поэтикой произведений. По формальному признаку сведения о такого рода действиях людей в осажденном городе делятся на краткие упоминания и «девиантные» тексты (термин О.А. Туфановой), имеющие более сложную структуру. В текстах, входящих во вторую группу, определяется исходная ситуация (осада города) и связанный с ней триггер-мотив (голод), выявляются особенности репрезентации отклоняющихся от нормы поступков и средства, с помощью которых выражена их оценка.

Ключевые слова: девиантное поведение, «девиантный» текст, историческое повествование Древней Руси, повести об осаде городов.

Информация об авторе: Наталья Алексеевна Демичева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Отдел древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0572-4887>

E-mail: natadem@bk.ru

Дата поступления статьи: 18.06.2024

Дата одобрения рецензентами: 05.07.2024

Дата публикации: 25.09.2024

Для цитирования: Демичева Н.А. Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260>

Осада города является частотной, постоянно повторяющейся ситуацией в мировой истории. В связи с этим она в различных вариациях на протяжении многих веков описывалась в литературах разных народов. Исключением не является и древнерусская словесность: русские летописи и хронографы не обходятся без рассказов об осадах — текстов иногда кратких, а порой и довольно пространных. Произведения на эту тему обнаруживаются также в различных рукописных сборниках, при этом они иногда входят в циклы о «взятии городов» (см., например: [2; 12]).

Осада является, несомненно, экстраординарной, экстремальной ситуацией. Она нарушает обычное течение городской жизни; ее начало часто оказывается внезапным, неожиданным для находящихся внутри; несет угрозу жизни и здоровью людей, ограничивает их свободу, что ухудшает их физическое и эмоциональное состояние. Вследствие этого осада города может спровоцировать девиантное поведение, то есть «поступок или действие человека (группы лиц), не соответствующий/ие формально-правовым и/или фактически сложившимся в древнерусском обществе нормам морали и/или ожиданиям с точки зрения обычаев и традиций» [9, с. 274].

В историческом повествовании Древней Руси фиксируются различные виды отклоняющегося от нормы поведения осажденных: употребление в пищу того, что в нормальной ситуации считалось непригодным и/или недопустимым (в том числе антропофагия); пьянство; кражи; насильственные и разрушительные действия. Оговоримся, что в рамках данной статьи мы не претендуем на полноту обзора всех свидетельств о такого рода явлениях, ограничимся лишь описанием основных тенденций и иллюстрируемыми их примерами.

Упоминания о том, что люди в осажденном городе ели что-то необычное, то, что в нормальной, повседневной жизни есть было не принято, связаны в древнерусских летописях и хронографах с темой голода. Они могут добавляться к формулам «изнемогаху гладом», «не могуще терпети глад» и их вариациям (см., например: [6, с. 72]), которые нередко выступают в качестве мотивировки последующего выполнения требований противника, в том числе сдачи города или выдачи затворившегося там князя.

Например, в Лаврентьевской летописи в рассказе о взятии Торжка Всеволодом Юрьевичем в 1182 г. говорится о том, что во время месячной осады «людые изнемогаша в городъ з голода и конину ядыху и передашася» [14, с. 388] (здесь и далее древнерусский текст дан в упрощенной орфографии. — Н.Д.). Есть конину для древнерусского человека, христианина выходило за рамки нормы, это противоречило как сложившимся традициям, так и религиозным правилам, вероятно восходящим к ветхозаветному делению животных на чистых и нечистых [3; 5]. Так, словосочетание «конину ядыху» служит в тексте одним из обоснований последовавшей сдачи города: таким образом показывается, что люди были доведены до предела и вынужденно нарушили значимую для них норму.

Более радикальным проявлением девиантности во время осады является антропофагия — каннибализм. Заметим, что в средневековом историческом повествовании эта тема была табуирована:

Несомненно, существовало некое нежелание увековечивать каннибальские практики в письме, как мы наблюдали это и в случае с законодательством. Описание случаев каннибализма в хрониках позволяло акцентировать внимание на масштабе описываемых кризисов и предавать им желаемый политический или идеологический угол зрения в угоду чьих-либо интересов. Все это было возможно потому, что антропофагия вызывала единодушное неодобрение со стороны общества и являлась идеальным риторическим инструментом [4, с. 77].

В древнерусских текстах также проявляется данная тенденция. Это заметно, например, при сопоставлении описаний голода 1601–1603 гг. в русских и иностранных источниках [10, с. 332–341]. Если иностранцы ярко и натуралистично описывают отклоняющиеся от нормы поступки жителей Московского государства, в том числе людоедство, то русские авторы XVII в. прибегают «к приему умолчания, который позволяет лишь намекнуть на неподобающее поведение людей, уйдя от излишнего натурализма описаний» [10, с. 337].

Такого рода самоцензура древнерусских книжников, вероятно, повлияла и на произведения об осадах городов. Однако, когда речь идет о других государствах и/или когда в качестве осажденных выступают иностранцы, такого рода подробности могут изображаться в историческом повествовании Древней Руси. Так, в древнерусских произведениях об осаде Иерусалима Титом (об одной из этих повестей речь пойдет ниже) обнаруживается эпизод, восходящий в конечном итоге к Иосифу Флавию, в котором рассказывается о поедании матерью собственного ребенка.

В главе 70 «Истории в память предидущим родом...» Авраамия Палицына есть указание на то, что осажденные в Московском Кремле в 1613 г. поляки, литовцы и их сообщники занимались антропофагией. Они названы «человекоядцами», при этом автор концентрируется не на описании соответствующих действий, а на изображении результата подготовки к ним: «...и множество трупы человека рассечены от человекоядец оных в сосудах лежащих» [17, с. 229]. Читателю предлагается посмотреть на это глазами участников освобождения города от оккупантов и народа, пришедшего в Кремль на молебен; с помощью изображения заполненных расчлененными трупами сосудов наглядно демонстрируется античеловечность врагов. Указания на антропофагию в совокупности с описанием оскверненных церквей и икон, негативными эпитетами по отношению к иностранным захватчикам и их сообщникам, а также риторическим вопросом («Что бо безумия сего безумейши, еже сотвориши окааннии они лютори с треклятыми и богомерзскими отступники и прелагатаи, с русскими изменники?» [17, с. 229]) используются для создания отрицательного образа противника и выражения к нему крайне негативного отношения.

Такой вид аномального поведения, как пьянство, становится предметом изображения в пространной редакции «Повести о нашествии Тохтамышя на Москву» [8; 11]. В ней противопоставляются две поведенческие стратегии в экстремальной ситуации, которым сразу дается оценка с помощью эпитетов «добрые» и «недобрые». В качестве правильного поведения позиционируется постоянная молитва, покаяние, смиренное ожидание смерти и проливание слез: «...добрии людие моляхоуся Богоу день и ночь, пристояще постоу и молитве, ожидающе смерти, готовляхоуся с покаяниемъ и съ причастиемъ и слезамі» [16, с. 330]. О другой группе лиц говорится следующее:

«Нѣции же недобрїи чловѣци начаша обходити по дворомъ, износяще ис погрѣбовъ меды господския, а сосоуды сребряныя и стькляницы драгия, и упивахоуся даждь и до пьяна...» [16, с. 330]. Отметим, что, помимо указания на сам факт употребления спиртных напитков, подчеркивается, что эти люди еще нарушают правовые и социальные нормы: они крадут алкоголь и дорогостоящие сосууды. Девианты представлены как плохо осознающие реальность: указывается, что они начинают вести себя вызывающе, у них появляется неуместная бравада, пропадает инстинкт самосохранения. В произведении приводится их речь:

Не устрашаемся поганыхъ нахождения Татарскаго, селикъ твердь градъ имуще, еже суть стѣны каменны и врата железна; не трпять бо ти долго стояти подь городомъ нашимъ, соугоубъ страхъ имоуще: изьноутрь града боици, а внеоуду града князеи нашихъ съвокоупляемыхъ оустремления блюдутся [16, с. 330].

В ином контексте эти слова могли бы характеризовать говорящих как храбрых, самоотверженных горожан, однако в данной повести их произносят люди в состоянии алкогольного опьянения, эта речь названа «дерзостью» («и къ шатанію дръзость прї [ла] гаху, глаголюще...» [16, с. 330]). Негативно оценивается летописцем и то, что они ведут себя неосторожно, провоцируют татар, оскорбляя их словами и действиями; это выражено акцентированием внимания на их нетрезвом состоянии («пьяні суще шатахуся»), эпитетом «бестудныи», с помощью которого указывается на их неподобающий вид и поведение:

И паки възлазяще на град, пьяні соуще шатахоуся, ругающесе Тотаромъ, образомъ бестуднымъ досажаяще, и некаа словеса износяще, исполнь оукоризны и хоулы, а кидахоу на ня, мнѣху толико то и есть силы Тотарския [16, с. 330–331].

Вероятно, с таким поведением части горожан, охарактеризованных как «недобрїи чловѣци», отчасти связывается в повести негативный для осажденных итог похода Тохтамыша.

В произведениях об осажденных городах могут описываться различные виды насилия: нанесение побоев, грабежи, убийства, самоубийства и т. д. Много внимания изображению подобных действий уделено в древнерусских произведениях об осаде Иерусалима Титом. В качестве примера также можно привести летописную повесть о походе Святослава Всеволодовича на волжских болгар в 1220 г. [7]: в ней есть упоминания об убийстве некоторыми жителями осажденного Ошела женщин и детей и совершении ими самоубийства: «...а инии сами изсѣкоша жены своѣ и дѣти и по том сами ся избиша» [15, с. 117]. Сведения о таких действиях горожан приведены в рамках «формулы судьбы побежденных» [7, с. 630], которая представляет собой перечисление бедствий, которые произошли с жителями Ошела (смерть от войск Святослава Всеволодовича, попадание в плен, гибель во время пожара во время осады).

Проанализированные фрагменты, содержащие описание отклоняющегося от нормы поведения людей в осажденном городе, значительно отличаются по объему, насыщенности средствами художественной выразительности, роли в произведении. Часть из них, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в рамках концепции О.А. Туфановой, которая ввела в научный оборот понятие ««девиантный» текст»:

«Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси — это фрагменты, 1) которые представляют собой сюжетное или бессюжетное повествование, имеющее устойчивый набор композиционных элементов и отличающееся специфической системой определенных элементов топики, и 2) в центре внимания которых находится поступок или действия человека (группы людей), который воспринимается и оценивается как противоречащий общепринятым культурным, духовно-нравственным, морально-этическим, правовым нормам и ожиданиям общества и/или неординарный, экзотический, диковинный [9, с. 276].

«Девиантный» текст, по О.А. Туфановой, имеет трехкомпонентную структуру: 1) исходная ситуация, которая привела к девиантному поведению; 2) рассказ об отклоняющихся от нормы поступках людей; 3) оценка, «отражающая либо реакцию общества на содеянное, либо выражающая мнение о нем автора или редактора текста» [9, с. 283].

Для всех указанных в данной статье текстов исходной ситуацией является осада города, играющая роль девиантогенного фактора. В рассказе о взятии Торжка и повести о походе Святослава Всеволодовича на волжских булгар есть только краткое упоминание об отклоняющихся от нормы поступках, отсутствует аксиологический компонент, в связи с этим они не могут считаться «девиантными» текстами. В рассмотренном фрагменте пространной редакции «Повести о нашествии Тохтамышша на Москву» имеются все необходимые составляющие. В нем содержится рассказ об отклоняющихся от нормы поступках группы лиц (разграбление погребов, пьянство, бахвальство, разнужданные и провокативные действия в сторону татар). Такие действия, как уже было ранее указано, оцениваются книжником негативно, о чем свидетельствует использование эпитета «недобрий» по отношению к этим людям, отрицательная характеристика их поведения с морально-этической точки зрения («образомъ бестуднымъ»), противопоставление девиантов другой группе («добрии людие»), поведение которой позиционируется как соответствующее религиозным представлениям, правильное в экстремальной ситуации. Фрагмент главы 70 исторического произведения Авраамия Палицына, содержащий описание состояния Москвы после пребывания там иностранных оккупантов, тоже можно, на наш взгляд, рассматривать как «девиантный» текст. В нем хоть и нет рассказа о конкретных поступках людей, однако представлена наглядная картина результата их действий, что передается глаголом зрительного восприятия («видяху») и пассивными причастиями, обозначающими разрушительные и насильственные действия («церкви осквернены и обруганы», «святыя же и поклоняемые образы <...> разсечены и очеса извертаемы», «множество трупы чловека разсечены» [17, с. 229] и т. д.). Информация о виновниках такого бедственного положения Москвы сообщается еще до данного описания, при этом им и их поступкам дана негативная оценка, эксплицитно выраженная с помощью риторического вопроса и отрицательных эпитетов («окааннии», «треклятии», «богомерзъский»).

Отметим, что в одном произведении может быть несколько взаимосвязанных «девиантных» текстов. Например, с этой точки зрения интересна насыщенная «девиантным» повествованием повесть о взятии Иерусалима Титом в 70 г. н. э. в Летописце Еллинском и Римском 2-й редакции и Тихонравовском хронографе, восходящая к еврейскому источнику [1]. Основное внимание сконцентрируем на трех фрагментах этого произведения, исходная ситуация (осада Иерусалима) для которых была обозначена в начале повести. В двух из них перечисляются действия людей в осажденном городе, нарушающие социальные, правовые и морально-этические нормы. В начале обоих эпизодов введена тема голода с помощью устойчивых речевых формул и соответствующей

лексемы («...и бысть глад великъ въ граде» [13, с. 138]; «...это гладоу же соущемоу въ граде множайшии» [13, с. 139]), именно он представляет собой триггер-мотив, являющийся «одновременно и психологической причиной, и «спусковым механизмом» для совершения преступления, т. е. первопричиной развития собственно сюжета» [9, с. 285]. Далее в каждом из фрагментов перечислены отклоняющиеся от нормы действия людей, находящихся в городе. В этом ряду есть указание на употребление ими непригодной пищи: они едят необработанную пшеницу, кожу с предметов одежды и щитов и пьют грязную воду после мытья животных («...инии неоустроеноу еद्याоу пшеницю...» [13, с. 138], «...инии же срамех прикасающися, скверноу скотиноу отмывающи пяхоу, и после же поясы жвахоу и сапоги, и кожи щитьныя ядыхоу здирающ» [13, с. 139]). Тем самым показывается, как люди теряют человеческий облик, их образ сближается с образом животных.

В текстах акцентируется внимание на том, как ситуация голода во время осады провоцирует агрессию людей по отношению друг к другу; подчеркивается разрушение родственных связей и общечеловеческих ценностей, таких как стремление заботиться о детях и стариках:

с(ъ)хноушим младенцам, не ражахоу о них, превеликия ради соущая беды и ноужда. старци же и оунии младенци яко идоль стень мимо ходящи и гладом скончеваеми и падающи [13, с. 138];

братія на братію и оужики на оужики, съ оружіемъ в дом их врыскахоу, дроуг оу дроуга пищу исхищахоу. еще же и жены, и моужа, и дети, и злеишее матери исхищахоу от дегичь изь оусть пищуу и не пощадяхоу възлюбленных чадъ [13, с. 139].

Оба проанализированных фрагмента представляют собой бессюжетное повествование. Несмотря на обилие глаголов, развития действия не происходит: за счет использования форм имперфекта, обозначающего длительное действие, создается картина, с помощью которой показана обстановка в осажденном Иерусалиме, передается его атмосфера.

Сразу после второго описательного фрагмента располагается еще один «девиантный» текст, который имеет, в отличие от рассмотренных ранее, ярко выраженную сюжетную основу. В качестве завязки приводится описание исходной ситуации (сообщение о прибытии в Иерусалим главной героини, описание ее бедственного положения: была ограблена, осталась одна с ребенком во время голода в осажденном городе). В этом тексте большое значение имеет мотив голода, который, как и в бессюжетных фрагментах, играет роль триггер-мотива. Именно он побуждает голодную женщину, которая не может прокормить собственного ребенка, убить его и приготовить для того, чтобы съесть. Мотивировка ее поступка доносится до читателя с помощью диалога между матерью и ее сыном:

«сыноу мои, чадо мое, тощно ми есть велми, еже вижду тя изнемогша гладом; а оумреши предо мною, а не мочи начноу погresti тобя, а лепѣе боудеть гробъ твои и во моем чревѣ». и рече ей дѣтище: «твори, еже ти любо» [13, с. 139].

Повествование о самом девиантном поступке — убийстве ребенка и его приготовлении в пищу — отличается динамикой, стремительностью действия, которые достигаются за счет использования однородных сказуемых в форме аориста: «...и взя жена ножъ и обрати лице свое назад, и зарѣза дѣтище свое, и свари его» [13, с. 139–140].

Следующий эпизод данного «девиантного» текста посвящен столкновению женщины с мародерами, в котором мать отстаивает право на тело своего ребенка. Поведение женщины, убившей своего сына для того, чтобы его съесть, шокирует даже жестоких грабителей, что подчеркивается использованием лексемы «оужасошася», фразеологического сочетания «сломися сердце их» и внешней детали, являющейся маркером эмоционального состояния мародеров («и ослабиша роуки их») [13, с. 140]. В тексте, помимо такой реакции этих персонажей на действия главной героини, приводится оценка, которую дал случившемуся римский военачальник Тит: он произносит молитву Богу, которая вводится глаголом «оужасеся» и описанием жеста («простеръ роуце свои на небо» [13, с. 140]); в ужасе от услышанного снимает с себя какую-либо ответственность за случившееся: «господи, боже небеснии, и не въсклади на мя греха сего и на царство мое, еже сниде жена вдова дѣтище свое» [13, с. 140].

Отметим, что Тит в повести является положительным персонажем и позиционируется как орудие Божественной кары за грехи еврейского народа «еже ты казниши люди за грехи их, а еще не хотять сломити сердцеъ своих» [13, с. 140]. В этом контексте все три фрагмента с «девиантным» повествованием связаны с идеей нравственного падения иудеев, действия которых оцениваются автором негативно, и справедливости божественного возмездия в виде захвата города римлянами.

Таким образом, в историческом повествовании Древней Руси содержатся сведения о девиантном поведении людей в осажденном городе (употребление в пищу того, что в нормальной ситуации считалось непригодным и/или недопустимым, в том числе антропофагия; пьянство; кражи; насильственные и разрушительные действия). Они могут быть зафиксированы в виде кратких упоминаний, а также в форме «девиантных» текстов, которые имеют более сложную структуру. В текстах, входящих во вторую группу, осада города является исходной ситуацией, которая провоцирует людей на отклоняющееся от нормы поведение. Нередко в них фигурирует мотив голода, который становится причиной совершения девиантных поступков. Такого рода действия получают негативную оценку в произведениях, которая может быть выражена отрицательными эпитетами, противопоставлением описанного поведения правильному, эталонному, описанием негативной реакции на него других персонажей, использованием мотива Божьего наказания за грехи и другими художественными средствами и приемами.

Список литературы

Исследования

- 1 Анисимова Т.В. Индивидуальные источники Тихонравовского и Рогожского хронографов в Еллинском летописце 2-й редакции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2021. Вып. 67. С. 61–82. DOI: 10.15382/sturIII202167.61-82
- 2 Демичева Н.А. Циклизация древнерусских произведений о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XVI-XVII вв. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 171–178. DOI:10.37816/2073-9567-2020-58-171-178
- 3 Кабакова Г.И. Пищевые запреты восточных славян и их обоснование // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре/отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 167–186.
- 4 Монтанари А. Мрачная трапеза: антропофагия в Средневековье. М.: АСТ, 2024. 288 с.

- 5 *Новиков А.С.* «...И ядуще мртвечину и всю нечстоту, хомякы и сусолы...» — к вопросу о влиянии экстремальной повседневности на гастрономическую культуру в княжествах средневековой Руси (по материалам летописных сводов XI–XIV вв.) // XXVI Царскосельские чтения: мат. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 19-20 апреля 2022 г. СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2022. Т. 1. С. 259–263.
- 6 *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2002. 286 с.
- 7 *Трофимова Н.В.* Повесть о походе Святослава Всеволодовича на волжских болгар в 1220 г. в летописных сводах XV–XVI веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 628–640.
- 8 *Трофимова Н.В.* Своеобразие стилистики «Повести о нашествии Тохтамышша» // Русская речь. 2003. №4. С. 63–68.
- 9 *Туфанова О.А.* «Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Сб. 23/гл. ред. О.А. Туфанова. С. 265–302. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302
- 10 *Туфанова О.А.* Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0605-5
- 11 *Туфанова О.А.* «Повесть о нашествии Тохтамышша на Москву»: парадоксы жалости // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, №3. С. 134-147. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-3-134-147
- 12 *Чирейкина О.Ю.* Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 215 с.

Источники

- 13 *Анисимова Т.В.* Тихонравовский хронограф. Исследование, публикация текста. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. Ч. 2. //Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. С. 12–171.
- 14 Лаврентьевская летопись/Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 1. Вып. 2. 488 стб.
- 15 Московский летописный свод конца XV в./Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. XXV. 488 с.
- 16 Новгородская четвертая летопись/Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. IV. Ч. 1. 728 с.
- 17 Сказание Авраамия Палицына/подгот. текста и коммент. О.А. Державиной, Е.В. Колосовой; под ред. А.В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 344 с.

***

© 2024. Natalia A. Demicheva
Moscow, Russia

**A PERSON IN A BESIEGED CITY:
ON STUDYING THE “DEVIANT” TEXT
IN A HISTORICAL NARRATIVE OF OLD RUSSIA**

Acknowledgements: The research was carried out with support of the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00091, Available at: <https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/>) at IWL RAS.

Abstract: The paper analyzes the information recorded in Old Russian texts about the actions of people in the besieged city, contrary to the legal, social, moral norms of the time. The siege is considered as an extraordinary, extreme situation, which creates the ground for manifestations of deviance. The main types of deviant behavior reflected in the texts of this subject are revealed: eating what was considered unsuitable and/or unacceptable in a normal situation (including anthropophagy); drunkenness; theft; violent and destructive actions. The study basing on the material of the historical narrative of Old Russia (the story in the Laurentian Chronicle about the capture of Torzhok by Vsevolod Yurievich in 1182, “Histories in memory of the previous generation...” by Avraamy Palitsyn, a long version of “The tale of Khan Tokhtamysh invasion of Moscow Tale”, the story of Svyatoslav Vsevolodovich’s campaign against the Volga Bulgars in 1220, the story of the capture of Jerusalem by Titus in the Hellenic and Roman Chronicler (EL-2) and Tikhonravov Chronograph) shows that the information about deviant deeds is not accidental, but is closely connected with the idea and poetry of the works. Formally, the information about such actions of people in the besieged city is divided into brief mentions and “deviant” texts (O.A. Tufanova’s term), which have a more complex structure. In the texts belonging to the second group, the author defines the initial situation (the siege of the city) and the trigger-motif associated with it (hunger), identifies the features of representation of deviant behaviors and analyzes the texts.

Keywords: Deviant Behavior, “Deviant” Text, Historical Narrative of Old Russia, Tales of the Siege of Cities.

Information about the author: Natalia A. Demicheva — PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Old Slavic Literatures, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0572-4887>

E-mail: natadem@bk.ru

Received: June 18, 2024

Approved after reviewing: July, 05, 2024

Date of publication: September 25, 2024

For citation: Demicheva, N.A. “A Person in a Besieged City: on Studying the ‘Deviant’ Text in a Historical Narrative of Old Russia.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 73, 2024, pp. 250–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260>

References

- 1 Anisimova, T.V. “Individual’nye istochniki Tikhonravovskogo i Rogozhskogo khronografov v Ellinskom letopistse 2-I redaktsii” [“Individual Sources of Tikhonravov’s, Rogozhsky, and Troitsky Chronographs in the Hellenic Chronicle of the 2nd Recension”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series III: Filologiya [Philology], issue 67, 2021, pp. 61–82. DOI: 10.15382/sturIII202167.61-82 (In Russ.)
- 2 Demicheva, N.A. “Tsiklizatsiia drevnerusskikh proizvedenii o prisoedinenii Severo-Zapadnykh zemel’ k Velikomu kniazhestvu Moskovskomu v rukopisnykh sbornikakh XVI-XVII vv.” [“Cyclization of Old Russian Works on the Annexation of the North-Western Lands to the Grand Duchy of Moscow in Manuscripts of the 16–17th Centuries”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 58, 2020, pp. 171–178. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-171-178 (In Russ.)
- 3 Kabakova, G.I. ‘Pishchevye zaprety vostochnykh slavian i ikh obosnovanie’ [“Food Prohibitions of the Eastern Slavs and Their Justification”]. *Kategoriia otsenki i sistema tsennosti v iazyke i kul'ture [Food Prohibitions of the Eastern Slavs and Their Justification]*, ed. by S.M. Tolstaia. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 167–186. (In Russ.)
- 4 Montanari, A. *Mrachnaia trapeza: antropofagiia v Srednevekov’e [The Gloomy Meal: Anthropophagy in the Middle Ages]*. Moscow, AST Publ., 2024. 288 p. (In Russ.)
- 5 Novikov, A.S. “...I iadushche mrtvechinu i vsiu nechstotu, khomiaky i susoly...” — k voprosu o vliianii ekstremal’noi povsednevnosti na gastronomicheskuiu kul'turu v kniazhestvakh srednevekovoi Rusi (po materialam letopisnykh svodov XI-XIV vv.)’ [“...And Ate Dead Meat and All Uncleaness, Hamsters and Gophers...” — on the Issue of the Influence of Extreme Everyday Life on Gastronomic Culture in the Princes of Medieval Russia (Based on the Materials of the Chronicles of the 11th — 14th Centuries)”. *XXVI Tsarskosel’skie chteniia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 19-20 apreliia 2022 g. [XXVI Tsarskoye Selo Readings: Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, April 19–20, 2022]*, vol. 1. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2022, pp. 259–263. (In Russ.)
- 6 Pautkin, A.A. *Besedy s letopistsem: Poetika rannego russkogo letopisaniia [Conversations with a Chronicler: Poetics of Early Russian Chronicles]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2002. 286 p. (In Russ.)
- 7 Trofimova, N.V. “Povest’ o pokhode Sviatoslava Vsevolodovicha na volzhskikh bulgar v 1220 g. v letopisnykh svodakh XV-XVI vekov’ [“The Story of Svyatoslav Vsevolodovich’s Campaign against the Volga Bulgars in 1220 in the Chronicles of the 15th — 16th Centuries”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*, issue 14. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 628-640. (In Russ.)
- 8 Trofimova, N.V. “Svoeobrazie stilistiki “Povesti o nashestvii Tokhtamysha”” [The Originality of the Style of the “Tale of Khan Tokhtamysh Invasion”]. *Russkaia rech’*, no. 4, 2003, pp. 63–68. (In Russ.)
- 9 Tufanova, O.A. ““Deviantnyi’ tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi: k postanovke problem” [“Deviant’ Text in the Historical Narration of Old Russia: to the Problem Statement”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*, issue 23, ed. by O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 265–302. DOI: 10.22455/HORL. 1607-6192-2024-23-265-302 (In Russ.)

- 10 Tufanova, O.A. *Drevnerusskaia literatura o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen* [*Old Russian Literature on the Time of Troubles as an Artistic Phenomenon*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 576 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0605-5 (In Russ.)
- 11 Tufanova, O.A. “‘Povest’ o nashestvii Tokhtamysha na Moskvu’: paradoksy zhalosti’ [“‘The Tale of Khan Tokhtamysh Invasion of Moscow’: Paradoxes of Regret’]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 134–147. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-3-134-147 (In Russ.)
- 12 Chireikina, O.Iu. *Povesti o prisoedinenii Novgoroda k Moskve v letopisiakh XV-XVII vv. i literaturnykh sbornikakh* [*Stories about the Annexation of Novgorod to Moscow in the Chronicles of the 15th — 17th Centuries and Literary Collections: PhD Dissertation Thesis*]. Barnaul, 2001. 215 p. (In Russ.)